

Александр ЖУРБИН не нуждается в особом представлении. Даже несмотря на то что последние десять лет композитор жил в Нью-Йорке, где, по его словам, занимался сочинением прикладной музыки для малобюджетных проектов. Теперь Журбин намерен реабилитироваться перед соотечественниками: только что прошли премьеры его новых музыкальных спектаклей «Губы» и «Фьоренца». А 25 апреля в Москве открывается фестиваль его музыки в рамках Президентской программы «Звезды возвращаются в Россию».

— Фестиваль называется «Возвращение Орфея». Под Орфеем следует разуметь не меня. Из Петербурга приедет все тот же «Орфей...», который уже давно не шел в Москве. Ну и некий орфический, романтический флёр, каким, я надеюсь, будет окутан весь фестиваль. На разных площадках будут идти мои мюзиклы — «Разбитое зеркало», «Молдаванка! Молдаванка!» и другие. Приглашены театры из других городов. Отдельно бу-

Сергей ЗОНИЧЕВ

дут исполняться мои классические сочинения, в том числе вышеупомянутый концерт для скрипки. Такой ретроспекции у меня еще не было, я хочу и свою книгу издать под шумок. А завершится все 3 мая в Театре Эстрады.

— Вы пишете симфонии, кантаты, балеты, музыку для кино, для эстрады... Никто не знает, на какую полочку вас положить. Как вы сами определяете свое амплуа?

— Боюсь, я об этом знаю меньше всех. Да, меня упрекают, что-де разбрасываюсь, но мне скучно стоять на месте. Хочу успеть сделать в жизни как можно больше. И даже неважно, будет ли это исполнено. Недавно я написал огромный и, смею думать, замечательный концерт для скрипки с оркестром. Его слышали пятьдесят человек. Может, еще пятьдесят человек услышат. Но, главное, я высказался. Я как тот многоликий бог Протей, который разве что музыки не писал. Если говорить о стилистике в целом, то мне нравится, когда меня называют мелодистом. Я всегда гордился, что могу придумать оригинальную мелодию — и в песне, и в симфонию... Мелодия останется королевой, что бы там ни говорили записные авангардисты.

— Так или иначе, вы абсолютный чемпион России именно по мюзиклам. Не обижает, что в первую очередь все вспоминают «Орфея и Эвридику», хотя потом было еще десятка три музыкальных спектаклей?

— Ничуть. Сплошь и рядом бывает так, что человека помнят по первой удачной работе. Алла Пугачева спела миллион алых песен, но для многих она прежде всего — исполнительница «Арлекино». Что до меня, то «Ор-

Журбин не спускается в ад

Орфей ищет свою Эвридику в Москве

фей...» — произведение серьезное, и очень хорошо, что его запомнили. Было бы хуже, если бы мое имя отождествлялось с песенкой вроде «Орленок, орленок, взлети выше солнца!». Хотя тоже лучше, чем ничего.

— Задумав «Орфея и Эвридику», вы не боялись гнева властей? Само слово «рок» тогда было под запретом, и долгое время ваше сочинение проходило под маркой «первой советской бит-оперы».

— Особых неприятностей не было. Из комсомола не исключили — наоборот, лет через семь дали какую-то комсомольскую премию. Были выволочки по идеологической линии. Чем в большем восторге была публика, тем больше чиновники ворчали, что я развращаю молодежь иноземным влиянием. Поэтому долго не выпускали пластинку, я изрядно побегал по всевозможным инстанциям.

— То есть вы не против ярлыка рок-оперы?

атр — это попросту большой театр, на тысячи мест. Конечно, здешние постановки требуют колоссальных затрат. Три миллиона долларов — это только стартовый хлопок в ладоши. Кто из наших рассказывает, что имел там бешеный успех, все врут. Даже Щедрин...

У меня шел только один спектакль в театре бродвейского типа, но не в Нью-Йорке, а в Филадельфии. Он назывался «Как это делалось в Одессе», мы рассчитывали заинтересовать американскую публику, но дольше, чем на два месяца, не получилось.

— Вы удивительно самокритичны. Но почему же наши люди не имеют там признания? Ведь музыка — интернациональная культура...

— Иллюзия. Вы, например, понимаете китайскую музыку, японскую, полинезийскую? Это другой язык, если угодно — другие идиомы. Американскую музыку мы понимаем процентов на пятьдесят. Успех там могут иметь фигуры типа Ростроповича, Барышникова... Но, во-первых, они уже были международными «звездами» и просто сменили место жительства. Во-вторых, за ними стоял большой скандал. Скандал очень помогает. Великий русский писатель Владимир Набоков приехал в Америку без всякого скандала и много лет мыкался в нищете, пока не написал «Лолиту». Кстати, не самое лучшее свое произведение.

— Тем не менее вам удалось выступить в «Карнеги-холле» и даже создать свой театр. Почему вы об этом не рассказываете?

— Потому что театра нет с 2000 года. Хотя на бумаге он существует, я даже выплачиваю налоги. Это был русско-американский театр «Блуждающие звезды» — название взято из Шолом-Алейхема, как вы понимаете. Мы продержались восемь лет и поставили десять спектаклей. У нас было занято много людей из России — Елена Соловей, Борис Сичкин... Игнали перед нашей же публикой, на русском языке.

— То есть писать музыку «на английском» вы не пытались?

— Идея как раз и заключалась в сохранении русской культуры в Америке. Кто-то пошел на компромисс и жив до сих пор. А мы явно переоценили свои силы. Денег не было ни сначала, ни потом. Многие актеры подрабатывали — таксистами, медсестрами... И наоборот — имевшие respectable работу тянулись к нам. Но энтузиазм постепенно угас. Мы все ждали, что откликнется богатый спонсор, но никто и пяти тысяч не вложил.

— Американский прагматичный менталитет наложил отпечаток на ваше «я»?

— Да, я изложил это в своей книге «Как это делалось в Америке». Я стал более четким, более обязательным. Раньше мог пообещать и тут же наплевать. Америка забывчивости не прощает. Теперь меня самого бесит русская расхлябанность. Никому ничего не надо! Буквально во всем, начиная с мелочей. Звонишь по телефону: «Колю можно?» — «Его нет» — и дальшее молчание. Спросишь: «Где он?» — «Не знаю». — «Когда будет?» — «Не знаю...» В Америке сразу спрашивают: «Кто говорит? Что передать? Давайте запишу...» И мгновенно передают. Там даже телефон никогда не бывает занят. А тут и слово «да» ничего не значит.

Беседовал

Анатолий ТКАЧЕВ

— Тут сложно провести грань. Если вы видели «Фьоренцу», то наверняка заметили совершенно оперные речитативы, арии, дуэты... — и вдруг врывается нормальный рок-н-ролл, даже с уклоном в хардвовый драйв. Смею думать, я с равным успехом работаю на обоих полях — классики и поп-музыки. Мне вообще кажется, что термин «рок-опера» какой-то искусственный. Он прижился в те годы, когда приставка «рок» лепилась ко всему новому. Подлинных рок-опер не так уж много.

— А чем руководствуетесь при выборе либретто? Откуда такой интерес к античности — «Орфей...», «Пенелопа», «Геракл»?..

— И это в разное время по-разному. У меня есть ряд «ренессансных» мюзиклов, на темы девятнадцатого века, по книгам Бабея... Что в данный момент увлекает, то и перекладываю на музыку.

— А, скажем, могли бы вы написать мюзикл по телефонной книге?

— Разве что в виде абсурдной шутки. Вот только зачем?

— Ваши спектакли шли на Бродвее?

— Нет. Для Голливуда не писал, на «Грэмми» не номинировался. Десять лет назад еще лелеял какие-то амбиции. Теперь, думаю, больше чем кто-либо из соотечественников приобщился к американскому шоу-бизнесу, чтобы констатировать: нашим людям сделать карьеру на Западе невозможно. Следует уточнить, что Бродвей это не улица, а понятие. Собственно на Бродвее расположено только один театр, он так и называется «Бродвей сизте». Остальные сорок четыре разбросаны по всему Большому Яблоку. Бродвейский те-